

Встреча с интересным человеком

**Народный артист РСФСР,
лауреат премии Московского
комсомола
Василий Семенович
ЛАНОВОЙ**

Творчество этого актера широко известно и любимо зрителями.

Совсем юным, едва окончив школу, он снялся в фильме «Аттестат зрелости», и уже тогда стало ясно, что в кино дебютирует молодой человек, обладающий незаурядным дарованием.

Впоследствии это подтвердилось: Василий Лановой стал актером одного из лучших театров страны — Московского академического театра имени Евг. Вахтангова.

Сегодня с В. С. Лановым беседует корреспондент нашей газеты.

«АКТЕР ЖИВ НАДЕЖДой...»

— Известно, что после окончания школы вы поступили на факультет журналистики МГУ.

— Поступил... Но проучился там всего полгода, потом пришел «с повинной» в училище имени Щукина, где в апреле был отобран педагогами после предварительного просмотра. На этот раз меня прослушала Целцилия Львовна Мансурова. Она сказала руководителю училища Борису Евгеньевичу Захаве: «Стоящий материал».

— А после училища не писали никогда или все-таки «грешили»?

— Почти не писал. Разве что по просьбе редакции отдельные статьи на профессиональные темы, но это было очень редко.

А сейчас, часто оглядываясь на свое прошлое, на детство, на увиденное совсем мальчишкой и пережитое в годы войны, воспоминания, встречи и общение с интереснейшими людьми и у нас, и за рубежом, постепенно прихожу к мысли, что о многом мог бы рассказать. Мысль об этом все более и более крепнет. Так что попытаюсь хоть частично оправдать свое поступление на факультет журналистики.

— Давайте обратимся к вашему дебюту в кино. Как это произошло?

— В мае поступил в МГУ и уехал с Володей Землянкиным (ныне актер театра «Современник») отдыхать. Неожиданно получаю вызов на пробу в фильме «Аттестат зрелости». Оказывается, руководитель народного театра ЗИЛА Сергей Львович Штейн показал режиссеру будущего фильма Татьяне Николаевне Лукашевич мою фотографию, где я был изображен в роли Листовского, которого я играл в одноименном спектакле народного театра, и порекомендовал на эту же роль в фильме. К тому времени, когда я появился в съемочной группе, некоторые актеры уже пробовались на роль Листовского. Перед ними у меня было одно преимущество — молодость.

— Когда же произошло рождение актера Ланового?

— Об этом судить не мне... Но, наверное, все-таки еще до училища, в студии Сергея Львовича Штейна. Ведь не смог же я не пойти на сцену. Да и друзья, которые советовали поступить в университет, добавляли при этом: «Все равно ты сбежишь в театр».

— Где-то читал, что вы обладаете даром не только критически, но еще и иронически относиться к сделанному. Что значит — иронически? Возможно ли это?

— Иронически? Странно... Скорее, с улыбкой и непременно через какое-то время. Это, естественно, мне кажется. Со временем действительно что-то из сделанного может вызвать улыбку, потому что кажется несовершенным, наивным. Время меняет нас, меняет и наше отношение к тому, что сделано ранее, особенно, если спустя какие-то годы сделано нечто более интересное, более значительное.

— Какая, по-вашему, роль удалась вам менее всего?

— Даже если бы вы спросили о роли, которая, на мой взгляд, удалась мне более всего, я все равно не смог бы ответить на ваш вопрос: это значило бы дать оценку своей работе. Актер не только не может, но и не правомочен это делать. В любом случае он не может быть объективным. Я могу лишь говорить о том, какая роль далась мне легче или тяжелее, какая роль доставила в процессе работы над ней большее или меньшее удовлетворение. Но и тут все воспринимается актером в комплексе: драматургия, режиссура, партнеры, атмосфера репетиций... Одно могу сказать: часто бывает так, что роль, о которой спорят, подчас больше запоминается.

— Вы упоминали о партнерах. С ними вам, пожалуй, везло с самого начала.

— И еще как! Михаил Федорович Астангов, Николай Олимпиевич Гриценко, Григорий Львович Абрикосов, Михаил Александрович Ульянов, Юлия Константиновна Борисова, Владимир Абрамович Этшус, Юрий Васильевич Яковлев... Это в театре. В кино — Ростислав Янович Плятт, Евгений Алексеевич Лебедев, Олег Николаевич Ефремов, Руфина Дмитриевна Нифонтова, Людмила Чурсина. Общение с ними — это всегда школа, которую не грех пойти человеку после любого училища. Это не только школа профессионализма, но еще и того, что принято называть традициями русского реалистического искусства. Я уже не говорю о том высочай-

шем духовном и эстетическом наслаждении, которое я получал от чисто человеческого общения с этими людьми.

— Василий Семенович, какие роли в театре и кино стали для вас этапными?

— В театре — Огнев в пьесе Корнейчука «Фронт», Цезарь в «Антонии и Клеопатре» Шекспира, Дон Жуан в пушкинских «Маленьких трагедиях», Протасов в «Детях солнца» Горького. Неожиданной, а потому очень интересной стала для меня совсем недавняя работа — роль председателя Сагадеева в спектакле «Тринадцатый председатель» по пьесе Азата Абдуллина.

В кино — Павка Корчагин, Вронский, Иван Варрава в «Офицерах». Почему я назвал именно эти роли — предмет отдельного разговора.

— Скажите, пожалуйста, выступление в каком спектакле (фильме) вы считаете для себя наиболее престижным?

— В театре — конечно же, в спектакле «Принцесса Турандот», с которого, собственно, и начинались вахтанговцы в 1921 году. В этом спектакле я уже семнадцать лет играю Калафа.

В кино — в документальной 20-серийной ленте «Великая Отечественная». То есть в игровом кино я также нашел режиссуру и роли, о которых может мечтать любой актер, но у фильма «Великая Отечественная» в моем сердце особое место.

— Нельзя ли подробнее о работе в этом фильме?

— Нельзя. Это просто невозможно. Четыре месяца высочайшего психологического напряжения — от того, что увидел на экране. Четыре месяца осмысления события, равного по трагедии которому не знала история человеческого рода.

Мальчишкой, находясь в оккупированной фашистами деревне, я узнал, что такое война. Но, во-первых, я был слишком мал, чтобы до конца понять, что это, насколько это античеловечно и страшно. Да и масштабы войны в моем детском представлении были совершенно иными, ограниченными затерявшейся на Украине деревенькой. Потом я вырос, смотрел художественные фильмы о войне...

То, что увидел в хронике, потрясло меня! Иные снятые фронтальными кинооператорами эпизоды, сцены и один-то раз было почти невозможно смотреть. А мне (по работе) доводилось смотреть эти сцены по несколько раз, чтобы одна из сцен для данной сцены вошла в будущий фильм.

В каждую семью война принесла горе. Мой отец и мама стали инвалидами, едва не погибли...

Нет, не могу подробно. Каждый год 9 мая прихожу с сыновьями к Большому театру, гляжу на знаковых людей и готов стать перед ними на колени за то, что они совершили, что преодолели.

Я думал о них, видел каждое лицо, когда стоял у микрофона. Волнение часто заставляло буквально хрипеть: «Стоп!». И уходил из тонзала, где записывал дикторский текст. Не мог говорить, ничего не слышал, становился обессиленным.

Нет в кинематографе ничего сильней хроники. Не случайно многие художественные фильмы часто снимают «под хронику». Режиссеры хорошо понимают, как это воздействует на зрителя.

На какое-то время В. С. Лановой задумывается, потом продолжает:

— Вы спросили о престиже? Да, участие в работе над этим фильмом было для меня престижно. Но не только как для актера (пробовались многие из моих коллег), скорее как для гражданина: была огромная гражданская ответственность, именно гражданская ответственность перед всеми, кому довелось впоследствии увидеть этот потрясающий кинодокумент.

— За много лет вы сыграли такие разные роли в фильмах и спектаклях. Попробуйте определить в этих ролях то единственное, что привлекало к ним внимание актера Ланового.

— Однажды Вахтангов сказал, что актер должен играть все — от высокой трагедии до водевиля. Было время, когда в театре и кинематографе царствовало такое понятие, как «амплуа». Сейчас актер представляет для режиссера интерес прежде всего как личность. То есть дарование актера учитывается в комплексе с его гражданским темпераментом, идиллийной убежденностью и многим-многом другим.

С такой же меркой и актер подходит к предлагаемой ему роли. Если в человеке, которого предлагают играть, есть нечто, что глубоко волнует не только меня лично, если этот человек представляет собой общественный, что ли, интерес как явление, конечно же, я с радостью буду играть этого человека. Эталон — классика, всегда рад в ней играть.

— Почему зрители никогда не видели вас в кинокомедиях и в фильмах с сельским сюжетом?

— Не берут. Видимо, ликом не вышел. Особенно грустно, что не снимаюсь в сельских сюжетах. Дивно, право: родился в деревне, всегда любил и люблю людей, которые трудятся на земле, хорошо знаю их быт, думы, заботы, могу делать любую работу земледельца, а вот сыграть сельского труженика в кино так и не привелось. Грустно. Но... актер жив надеждой, правда?

— А теперь к теме «дома и семьи». В Театре имени Вахтангова вы и ваша жена, актриса Ирина Купченко, ведущие актеры. А кто «ведущий» дома? У вас в семье патриархат или матриархат?

(Смеется). — Ведущие у нас — дети. Саша и Сережа. Мы называли их так в честь любимых поэтов — Пушкина и Есенина. Саше шесть с половиной лет, Сереже — почти четыре.

— Они не собираются продолжить семейную династию актеров?

— По крайней мере я бы очень этого не хотел. И, предупреждая ваш следующий вопрос, скажу почему. Актерское наше счастье, увы, очень мало зависит от нас самих, наших возможностей, стремлений. Мы ведь, в сущности, третичны: драматург — режиссер — актер... Нет уж, постараюсь сделать все, чтобы ребята благополучно миновали сцену. Впрочем, с ужасом наблюдаю, что в Саше явно уже «прорезается» актер. Вижу, как он рад, когда что-то изображает и другим, например, гостям, это интересно. Поживем — увидим...

— Если случается свободное время, чем занимаетесь?

— Где оно, это свободное время? Мы с женой почти не бываем дома. Но если все-таки «выскакивает» день-другой, посвящаю его прежде всего ребятам. Еще — охота, музыка.

— Музыка и... охота?

— Да. Ведь если призадуматься, охота — это та же музыка. Вам никогда не доводилось слышать такое выражение — «музыка охоты»? Меня ведь не привлекает сам по себе удачный выстрел в тетерева, попадание. То есть, конечно, меткий выстрел приносит какое-то удовлетворение. Но интересней другое: идешь с ружьем, вокруг тишина — и вдруг вот он, тетерев! «Повел» тебя! И начинается колотиться сердце, зазвучала эта самая «музыка охоты». Любый охотник меня поймет и скажет вам то же самое.

— Ваш сегодняшний день в кино?

— Только что снялся в фильмах «Петровка, 38» и «Огарева, 6» по сценариям Юлиана Семенова. Сейчас Семенов написал продолжение этих сюжетов, и мой герой по-прежнему будет участником описанных событий. Причем роль становится много шире и психологически глубже. О своем герое говорить пока не стану, выйдут фильмы — сами увидите.

— Я записываю «актерские ушмешки», курьезы. За вами рассказ.

— Так сразу и не вспомню... В одном из эпизодов фильма «Иду на грозу» мой герой должен был изобразить своего учителя. Я решил симитировать руководителя нашего театра Симонова (его манеры, голос) и пригласил Рубена Николаевича на просмотр фильма. Он сразу узнал себя в том эпизоде и, оглядываясь, заерзал на стуле. А после просмотра смеялся и приговаривал: «Черт знает что! Уже все меня показывало, даже Лановой на экране!».

А вот еще, вспомнил, был забавный случай, вернее, ситуация на съемках фильма «Полосатый рейс». Я снимался в небольшом эпизоде, изображая «короля плявера». В этом фильме, как вы, наверное, помните, участвовали звери, много зверей. Так вот однажды была действительно забавная ситуация: звери свободно прогуливались в кадре, а мы, актеры, сидели в клетках и наблюдали съемку.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.